

шоритца

УНИФИКАЦИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОЕКТЫ

Настойчивые усилия президента Путина, направленные на то, чтобы «выстроить вертикаль президентской власти», сократить число субъектов федерации путем их укрупнения, выстроить партийную систему, заменить выборность губернаторов их полуназначением и т. п., трактуются им самим и его сторонниками в духе упорядочения политической системы и повышения ее управляемости. Противники и оппоненты российского лидера нередко интерпретируют эти шаги либо как банальное проявление авторитаризма, либо как очередной, лишенный глубокого смысла «перестроечный» эксперимент, не обремененный, впрочем, пафосом горбачевского времени.

На фоне такого упрощения сути происходящего ракурс рассмотрения сузился до простейших конструктивных форм – впрочем, это объясняется естественным затуманиванием взгляда цепью трагических событий, апофеозом которых был Беслан, а также инстинктивным стремлением мыслить и действовать реактивно, устремившись в одну точку в малом пространстве. В связи со всем вышперечисленным как-то подзабылись незавершенные дискуссии политологов и публицистов, начавшиеся еще в период завершения ельцинского президентства и оборвавшиеся многозначительной недосказанностью где-то в прошлом году.

А зря! Ведь по сути даже открывавшая дискуссию третьяковская концепция «управляемой демократии» сразу же вывела ее ход в высокую тональность «завершения цикла развития», «революции и контрреволюции», «природы русского бонапартизма», «сущности миссии Путина». Видимо, ответив для себя на вопрос «Кто вы, мистер Путин?», многие на этом и успокоились, посчитав, что и миссия Путина предельно ясна, и характер политического режима, если не политсистемы, окончательно или, по крайней мере, как вектор установлены. Так ли?

Конечно же, концепция «управляемой демократии» недвусмысленно обозначала конец «эпохи перемен» в том смысле, что период катаклических изменений заканчивается, наступает период стабилизации и, если угодно, (хотя бы в этом смысле) контрреволюции.

В таком контексте, рассматривая Путина в качестве «стабилизатора», можно считать, что он свою миссию выполнил уже в течение

первого президентского срока. Факторы внутренней нестабильности, связанные с проблемой общегосударственного суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации, единства правового поля, абсолютизма региональной власти, совмещения губернаторами функций исполнительной и законодательной власти (в качестве членов Совета Федерации) и т. д., были в основном устранены еще до середины 2003 г., т. е. до начала избирательной кампании в Государственную Думу. Это обеспечило абсолютную победу пропрезидентских сил на парламентских выборах и беспроектный плебисцитарный характер кампании по избранию главы государства.

Но неслучайно ряд политологов обращал внимание на то, что в течение первого президентского срока Путин во многом продолжал оставаться «со связанными руками». Над ним довлела мощная тень ельцинского регентства и всеисильной «семьи», под которой расширительно понимались прежде всего олигархические группы, обеспечившие финансовый ресурс победы Ельцина в 1996 г., что знаменовало собой точку невозврата к советской системе. Но и освобождение нынешнего президента от всех этих «пут», если их рассматривать в качестве существенного фактора системной нестабильности, или в качестве существенного же ограничителя политической воли и свободы действий второго президента РФ, было в основном завершено либо к концу его первого президентского срока, либо в самом начале текущего периода правления.

Но такая фактография политической конъюнктуры, сложившейся, а, точнее, осуществленной усилиями президентской власти к моменту выхода Путина на собственный, не обремененный путами прежнего периода виток политических действий, заставляет иначе, значительно шире взглянуть на объективный характер миссии российского лидера.

Помимо того, что этот второй президентский срок впервые обеспечил возможность проведения самостоятельного курса (т. е. «политики для себя»), он же в силу ограничителей природы второго срока (как последнего) ставит перед необходимостью действовать «для истории» (т. е. проводить «политику для других»). Этот поистине гегельянский смысл самого характера второго срока путинского президентства задает графические черты абриса его миссии, наделяет ее неким фаустовским смыслом, по крайней мере, в ожиданиях части общества и политической элиты, сыгравших роль в выдаче Путину своего рода «карт-бланш» на его правление в 2004-2008 гг.

Становится очевидным, что рамки простой стабилизации для такой миссии слишком узки, что собственные действия президента и действия приводимой им в движение властной машины должны быть направлены на гармонизацию системы. В таком случае понятие «стабилизации» становится описанием лишь одной из черт миссии, а вовсе не всего ее содержания, а понятие «контрреволюция» приобретает

более глубокий смысл, взрывая рамки того пространственно-временного континуума, который был обозначен прежде (начиная с 1989-1993 гг.).

Действительно, «эпоха перемен» началась вовсе не с конца перестройки и даже не с ее старта, а с 1905-1917 гг. Так, к примеру, трубадур контрреволюции Владимир Жириновский приравнивает партию наследников первой революции (КПРФ) к партиям наследников второй (СПС и Яблоко), характеризуя тех и других как носителей умирающей политической культуры, и грозит их похоронить. Насколько это действительно умирающая культура – другой вопрос, оставим его в стороне. Но пафос и направление мысли генетически связанного с нынешней властью лидера ЛДПР раскрывают суть этой властной оппозиции всему циклу эпохи перемен и, следовательно, сознательное или подсознательное ощущение ею своей контрреволюционной миссии.

Но тогда, работая в логике контрреволюции, власть должна, очевидно, «зачищать» многие итоги и свершения не только революции 1991 г., но и революции 1917 г. Расчистка последних началась, впрочем, еще в прежний, революционный период – это и ликвидация КПСС, Советов всех уровней, государственной собственности и пр. Делалось это, однако, в основном революционными методами.

Камнем преткновения, разрушившим страну в 1991 г. и остающимся большой проблемой для современной политической системы, является во многом еще советский по своей сути, архитектонике и потенциальной взрывоопасности федерализм.

Значит ли это, что настала очередь коренного и быстрого (путем «бури и натиска») слома федерализма как такового?

Возвращаясь к логике современной российской контрреволюции с ее отчетливыми стабилизаторскими и гармонизаторскими свойствами, нельзя не заметить, что эти свойства не могут не придавать ей постепенно усиливающегося консервативного характера. Хотя бы в том смысле, что техника гармонизации при постоянном слежении за сохранением стабилизирующей функции сродни технике терапии, называемой еще консервативным лечением. Хирургия же – оперативные методы – при таком подходе должны быть скорее исключением, чем правилом, причем исключением очень дозированным, четко рассчитанным, находящимся под постоянным диктатом принципа «не навреди». Это подтверждается реалиями современной российской политической жизни. Когда власть, действуя в этой логике, не суетится, работает консервативно, эволюционно, тогда ей удастся достичь гораздо больших и, главное, глубоких и стабильных успехов в необходимом политическом реформаторстве. Когда же она переживает, злоупотребляя излишним дирижизмом и политическими технологиями (как было с созданием партийной системы, избирательной кампанией в Думу в 2003 г.), она тоже может достигать успеха, но успеха

чрезмерного, не вызванного необходимостью. В последнем случае на будущее закладываются такие структурно-функциональные перекосы, которые в дальнейшем чреваты весьма серьезными последствиями для стабильности системы и которые поэтому рано или поздно приходится выправлять.

Здесь следует, однако, сделать одну немаловажную ремарку. Власть с контрреволюционными, стабилизирующими и гармонизирующими свойствами нередко описывается в понятиях бонапартизма.

Уместно в этой связи вспомнить дискуссию, которая проходила около двух лет назад на площадке «Политии» и в которой были предприняты попытки описания современной российской власти именно в этих понятиях. При этом вполне или невольно участники дискуссии отталкивались от исходных черт бонапартизма, описанных в классической работе К.Маркса «18 Брюмера Луи Бонапарта», анализировавшей природу власти в период относительной стабилизации после революции 1848 г. Но, что примечательно, сравнивали период стабилизации постсоветской и, соответственно, природу путинской власти с периодом правления Наполеона I, т. е. временем стабилизации после революции 1789-1793 гг.

Отметив эту забавную путаницу, мы видим, что она сама по себе неминуемо выводит на проблематику больших революционных циклов и окончания «эпохи перемен» – в этом смысле стабильность политической системы во Франции наступила лишь к 1960 г., и тогда выходит, что самым большим и окончательным бонапартистом был не кто иной, как Шарль де Голль, а черты этого бонапартизма легли краеугольным камнем в Конституцию V Республики. Но ведь К.Маркс как раз фиксировал черты бонапартизма как периода именно **относительной** стабилизации и для него, во-первых, этот период и характерный для него абрис власти – лишь карикатура на власть настоящего Наполеона («история повторяется – один раз как трагедия, другой раз как фарс»); во-вторых, эта стабилизация – всего лишь момент в революционной динамике «эпохи перемен»).

Это не значит, что ухваченные в упомянутой работе черты бонапартизма утратили вовсе свое значение для описания феномена бонапартизма. Да, они сохраняют актуальность для описания черт и, если угодно, технологии власти в период начальной стабилизации, когда такая власть приобретает если не характер, то, по крайней мере, вектор центристской, как правило, военно-политической диктатуры.

Однако этим инструментом следует пользоваться весьма осторожно. Во-первых, потому что при наличии лишь вектора, указывающего на направление и предельную точку развития, власть, неся в себе некоторые черты центристской диктатуры, таковой в полном смысле не является и сохраняет все же значительные черты системно и институционально заложенных в ней структур и механизмов

представительной демократии. Во-вторых, она тем более не описывается в понятиях военно-политической диктатуры. Хотя почерк «силовиков», само их присутствие и степень влияния во властных структурах опять же говорят о наличии некоторых черт военно-политических методов осуществления власти, было бы слишком большой передержкой говорить, что именно они характеризуют все содержание этой власти или хотя бы доминирующее направление ее развития.

С этими существенными оговорками можно отметить определенное присутствие черт «русского бонапартизма», столь импонирующего части общества и политической элиты, в структуре и действиях сегодняшней власти, что не может не оказывать влияния на некоторые особенности ее функционирования. Это выражается, например, в избыточно радикальных и не всегда в полной мере адекватных реакциях на действительно серьезные и нестандартные вызовы – например, на действия международного терроризма, в неспособности их предотвратить и дать им своевременный отпор. Не в последнюю очередь это происходит в силу недостаточной управляемости политических структур и из-за проблем российского федерализма.

Стоит, однако, отметить, что реакция российской власти на действия террористов, последовавшая за событиями в Беслане и выразившаяся в предложениях В.Путина по замене выборности глав субъектов Федерации их фактическим назначением, вышла далеко за рамки простого ответа на террористические акты. Отклики на этот шаг внутри и вне страны свидетельствуют о том, насколько серьезно российская и международная общественность, политические деятели и структуры восприняли эту позицию российского президента. Надо полагать, это не случайность.

Если все предшествовавшие этому политико-реформаторские действия российской власти оказывали воздействие на модификацию политического режима, но не политсистемы, то это шаг стал первым актом по структурно-функциональному изменению собственно системы. Фактически он затрагивает структуру и принципы функционирования российского федерализма, сущность и характер избирательной системы, принципы жизнедеятельности системы власти в целом. Применительно к федерализму он рассматривается многими как шаг в сторону отказа от него и переходу к унитарным принципам государственного управления.

Думается, что не случайно привязка этой декларации вектора политических изменений к бесланской трагедии была расценена большинством российских и иностранных аналитиков как чисто ситуативная. Впрочем, и сам В.Путин вскорости объяснил свои предложения как глубоко продуманный шаг, а бесланские события, по его словам, лишь подтолкнули к тому, чтобы объявить об этом решении.

Однако подобное объяснение президентом направленности этих изменений в русле простого повышения эффективности и управляемости системы Российской Федерации как таковой представляется вполне понятным, но далеко не полностью раскрывающим ее суть.

Возвращаясь снова к сущности миссии Путина в рамках пространственно-временного континуума, который был обозначен ранее, нельзя не обратить внимания на то, что он был описан далеко не до конца. То есть описано было его временное измерение (конец «эпохи перемен» и, соответственно, завершение большого исторического цикла), но не пространственное.

Пространственное измерение современной России не может не учитывать того, что она объявила себя правопреемницей СССР и была признана в качестве таковой международным сообществом, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что она заняла место СССР в Совете Безопасности ООН. Кроме того, Российская Федерация одновременно – если не де-юре, то де-факто – проявляет себя и в качестве правопреемницы исторической (царской) России. Об этом недвусмысленно свидетельствует целый ряд фактов: захоронение останков Николая II и его семьи; возвращение и перезахоронение останков представителей белоэмиграции, генералов царской и белой армий; возвращение российского гражданства эмигрантам первой волны и их потомкам; участие главы государства в процессе примирения и воссоединения русской православной церкви; и возвращение аннулированных большевиками царских долгов. Отсюда следует и тот непреложный факт, что территория всего бывшего СССР, за исключением стран Балтии, вошедших в Евросоюз и НАТО, является зоной не только влияния, но и, в той или иной мере, ответственности России. Разумеется, об этом можно говорить при том условии, что действия, направленные на осуществление такой ответственности, не противоречат коренным интересам соответствующих государств, народов и граждан, населяющих бывшие советские республики, и не ущемляют их.

Однако оговорка «в той или иной мере» применительно к зоне ответственности придает понятиям «Историческая Россия», «Великая Россия», «Единая Россия» и т. п. большую степень неопределенности, неоднозначности в геополитическом и этнодемографическом измерениях. Причем о последнем, собственно, человеческом измерении следует сказать особо. Дело в том, что 25 миллионов граждан волею судьбы, а, точнее, логикой номенклатурного распада СССР, будучи русскими или русскоязычными, оказались национальными меньшинствами, гражданами второго сорта, а то и вовсе «негражданами» на своей исторической родине, никуда не двинувшись с места, на котором они и их предки жили не только годами, но и веками.

С этой геополитической и этнодемографической неопределенностью связаны в немалой мере перипетии становления русской (в

иной интерпретации – российской) национальной идеи, о потребности в которой столь настойчиво говорится в последнее время на полюсах общественной мысли – от Дугина до Игоря Чубайса – как только вектор национально-государственной идентификации начал выявлять свое доминирующее положение в общественном сознании, породив, собственно, и политический феномен «Единой России» и феномен Путина в 1999 году.

Однако это состояние геополитической и этнодемографической неопределенности не преодолено и по сей день. Свидетельством тому являются два полярных идеологических проекта – «русский этнический национализм» (от акцентированной политико-философской трактовки Савостьянова до несколько затухавшей культурно-идентификационными тонами интерпретации рогозинской «Родины») и «российский империализм» (от дугинского евразийства до «либерального империализма» Анатолия Чубайса).

Оказываясь в этой ситуации «между собакой и волком», российская власть, пусть нередко на ощупь, но все же движется в направлении более акцентированного выражения национальных интересов, пытаясь одновременно выявить более четкие параметры и границы геополитического и этнодемографического измерения России.

Один из главных магистральных путей достижения этой цели пролегает через интеграционные проекты, импульсы большинства которых исходят из России. Однако следует отметить, что некоторые страны СНГ, в первую очередь Казахстан, в отдельных случаях опережали Россию в качестве генераторов интеграционных проектов.

Если взглянуть на истоки интеграционного движения применительно к геополитической самоидентификации России, выявится, что тянутся они, сколь ни парадоксальным это может показаться, из Беловежской Пуши. Стоит вспомнить, что на Россию в тот период оказывалось давление и с запада, и с востока фактически уже развалившегося, но юридически еще целого СССР. Но если западные республики (Украина и Белоруссия) требовали денонсации Союзного договора 1922 г., то восточные (Средняя Азия и Казахстан) склонялись к сохранению ново-огаревской формулы обновленного Союза. Критики Беловежских соглашений, на мой взгляд, недооценивают тот факт, что Россия здесь делала непростой геополитический выбор. Цепляясь за сохранение Союза, она рисковала остаться в нем один на один лишь с тюркскими республиками – Казахстаном, Узбекистаном, Киргизией и Туркменией, оказавшись таким образом отброшенной далеко на восток по сравнению со своим центральным положением внутри СССР. Идя же на подписание договора только с двумя славянскими республиками (что практически повторяло исторически формат подписания Договора 1922 г.), она по крайней мере оставляла надежду на то, что этот договор станет не только актом

дезинтеграции, но и отправной точкой последующей постепенной реинтеграции, что и подтвердилось отчасти несколько позже самим фактом создания Содружества Независимых Государств (СНГ).

Сегодня СНГ в основном характеризуют как «форму цивилизованного развода», и, тем не менее, вряд ли стоит недооценивать его как форму поддержания, пусть на самом низком уровне, хотя бы остатков интеграционных связей, унаследованных от СССР. Кроме того, нельзя не увидеть настойчивых попыток России постоянно наполнять формат СНГ экономическим, культурным, военным содержанием, добиваться нахождения общих уровней пространства в его рамках. Как можно характеризовать все эти усилия, если не как действия, направленные на превращение СНГ в интеграционный проект?

Обреченность СНГ как интеграционного проекта начала становиться очевидной после того, как возник проект ГУУАМ (Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан и Молдова). Это был интеграционный проект, явно направленный против доминирующего положения России на постсоветском пространстве, с попыткой создать на этом пространстве альтернативный ей экономический, политический и военный центр. Подобный проект вряд ли мог расцениваться иначе как потенциальная угроза национальным интересам России, он стал негативным побудительным мотивом поисков более тесных интеграционных союзов на территории бывшего СССР – прежде всего с тем, чтобы защитить свои интересы.

Таких союзов возникло два: «союз двух» (проект Союзного государства Россия – Белоруссия) и «союз пяти» (формально он задумывался как экономический проект, в который вошли Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан, однако нельзя не заметить, что сеть двусторонних и многосторонних связей между этими странами вывела проект далеко за чисто экономические рамки). И в том и в другом проекте прослеживается тенденция политической интеграции. Особенно акцентированно эта тенденция проявила себя в проекте Союзного государства, став фактически важнейшей частью этого проекта. Однако именно здесь впервые со всей отчетливостью проявился тот факт, что существенным препятствием для реализации тенденции политической интеграции является то, что некоторые аналитики назвали «асимметричностью политических структур», имея в виду разный характер политического устройства объединяющихся стран.

Тем не менее, вопросы политической интеграции в «проекте пяти» все же не стояли на первом плане, а в проекте Союзного государства несколько отодвинулись по известным причинам политикокожньюнктурного характера. Кроме того, во всех этих проектах не хватало важного геополитического звена, что и делало их недостаточно актуальными. Но это звено появилось с возникновением «проекта четырех» (Россия, Украина, Белоруссия и Казахстан).

Именно этот проект, если смотреть на него с позиций российских интересов, несмотря на всю его первоначальную пунктирность, представлялся наиболее перспективным не только с точки зрения экономической интеграции, но и с точки зрения политического дизайна. Во многих отношениях он в перспективе мог стать наиболее подходящей конструкцией для создания такой формы союза, которая давала бы основания – разумеется, при оперативном решении не только конъюнктурных, но и стратегически-конструкционных проблем – для ее скорого преобразования в более или менее устойчивую форму федерации, практически минуя стадию конфедерации, решая при этом в рамках такой федерации ряд стоящих перед Россией проблем:

- 1) геополитически такой союз воссоздавал бы почти целиком, причем в прямом географическом смысле территориальное пространство бывшего СССР; при этом присоединение к нему Киргизии и Таджикистана превращалось бы в этом же геополитическом ракурсе в технический вопрос; оставшиеся за его чертой бывшие советские республики становились бы маргинальными в геополитическом смысле, их маргинальность ставила бы их перед жестким геополитическим выбором, причем в дальнейшем за входной билет в федерацию пришлось бы платить определенную цену;
- 2) народнохозяйственный комплекс (или ресурсная база в широком смысле) бывшего СССР при этом имел бы перспективу быстрого восстановления и модернизации, сложение усилий дало бы возможность усиления в этом комплексе роли перерабатывающих и наукоемких отраслей;
- 3) исторически этот проект как бы воспроизводил историю становления Союза ССР (Россия, Украина и Белоруссия плюс в данном случае Казахстан), что создавало бы историко-психологический эффект возрождения единой страны;
- 4) принципиально решалась бы социально-демографическая проблема, прежде всего проблема русских и русскоязычных, основной массив которых сосредоточен на Украине, в Белоруссии и Казахстане, со всеми вытекающими из этого не только социальными, но и политическими, общественно-психологическими и идеологическими последствиями, в том числе снижением комплекса национальной ущербности и уровня ксенофобии у русских и, соответственно, сужением почвы для крайних националистических и расистских течений;
- 5) общий политико-психологический эффект от реализации этого проекта (и даже от начала его реализации) среди не только русских, но и значительной части украинцев, белорусов, казахов, а также граждан других постсоветских республик был бы равнозначен тому, который произвело на немцев разрушение берлинской стены.

С этих позиций понятно, почему российская власть, включая и лично президента, столь активно включилась в выборную кампанию на Украине: ставки, которые были на кону в этой кампании, напрямую касались недекларируемой, но подразумеваемой миссии президента России как гармонизатора пространства и порядка – «Миссии Объединителя».

Но если это так (а все последующие события свидетельствуют, на мой взгляд, что примерно так президент и его окружение смотрят на характер своей миссии), тогда и вопрос с назначением губернаторов в России следует рассматривать именно с этих позиций и в этом ракурсе или, по меньшей мере, в тесной взаимосвязи с ним.

Дело в том, что в плане политического дизайна устойчивость проекта союза четырех – при условии его федеративной направленности – в значительной мере зависит от конструктивной равнозначности или, по крайней мере, от снижения уровня взаимной противоречивости основных структур проекта. На это, в частности, не раз обращали внимание аналитики при анализе проблем Союзного государства Россия – Белоруссия. По всей видимости, на это же обратил внимание в свое время и российский президент, когда выдвинул предложение к Белоруссии войти в Российскую Федерацию отдельными областями и встретил по этому поводу буквально бешеный отпор своего белорусского партнера.

В этом контексте следует обратить внимание на то, что, в отличие от проекта Союзного государства, в проекте союза четырех три основных компонента (Белоруссия, Украина и Казахстан) являются унитарными государствами и лишь Россия – федеративным.

Отсюда вроде бы логически вытекает, что именно политическая архитектура России является главным препятствием конструктивной устойчивости проекта. Кажется, это подтверждается и исторической логикой распада СССР. «Парад суверенитетов» (в рамках которого ярчайшим образом выделились требования автономий приравнять их в правах к союзным республикам) сыграл существенную детонирующую роль в процессе распада, со всеми вытекающими последствиями – карабахским, грузино-абхазским, грузино-югоосетинским и приднестровским конфликтами и Чечней, а затем сказался и на трудностях воссоздания единого политического, экономического и правового пространства собственно России.

Отсюда следует конструктивный вывод о том, что для успешного построения федерации четырех республик прежде всего необходимо унифицировать политическое пространство самой России. Решив эту задачу, можно одним ударом убить двух зайцев: а) сделать внутреннюю конструкцию политического пространства России не противоречащей (или мало противоречащей) конструкциям других, унитарных частей проекта; б) заодно решить проблемы управляемости «слишком громоздкой» федеративной конструкции самой России.

Ход и итоги выборов на Украине внесли существенные коррективы в ситуацию вокруг этого проекта, вокруг сути «миссии Путина» и вокруг проблем политического дизайна на постсоветском пространстве, включая не только его макро-, но и мезоуровень.

Ситуация политического патата на Украине в период беспрецедентного президентского марафона, окрещенная публицистами «троететманщиной», создала положение, когда страна и общество расколота не только фронтально, но, по-видимому, еще в ряде отношений, которые начинают проявлять себя спустя определенный промежуток времени после начала выборного противостояния.

Действительно, трудно привести другой пример, когда в стране оказывалось бы одновременно три президента, каждый из которых имел легитимные основания считаться таковым. Виктор Янукович был избран президентом в ходе второго тура общенациональных выборов, и это избрание было подтверждено Центральной избирательной комиссией, что по украинскому законодательству означает окончательное утверждение его на этой должности, независимо от любого решения, которое примет любой орган, включая и Верховный суд. Последний может дать этому решению лишь правовую оценку, но не отменить его. Даже если бы он и пошел на компромисс, трудно представить себе, что такой компромисс был бы признан миллионами его избирателей (независимо от того большинство их или меньшинство, это примерно половина граждан Украины), которые считают себя обманутыми, так как по их убеждению они проголосовали за победившего президента.

Виктор Ющенко и его сторонники убеждены в том, что имела место фальсификация итогов второго тура, и имеют определенные доказательства этого. Президентский статус Ющенко утвержден результатами «третьего тура» и новым составом Центризбиркома. Уровень его политической легитимности в условиях революционной ситуации несомненно выше, чем у Януковича в центре и на западе Украины, среди большинства политической элиты и, наконец, на международном уровне, поскольку США и Евросоюз считают именно его легитимно избранным президентом.

И, наконец, Леонид Кучма, продолжавший в этой патовой ситуации оставаться у руля президентской власти. Хотя окончательные итоги «третьего тура» все же лишили его надежды на ее сохранение путем сложных политических комбинаций, Кучма сохранял за собой значительные рычаги влияния на ход закулисной политической жизни. К тому же он сумел девальвировать итоги победы любого из участников президентской кампании путем продавленной через парламент конституционной реформы, значительно урезающей права и полномочия президента.

В этой ситуации доминирующей пока продолжает оставаться ситуация фронтального раскола между русскоязычным, ориентирующимся на Россию юго-востоком и прозападным украиноязычным

центром и северо-западом Украины. Хотя такое разграничение, конечно, во многом относительно (так, в Закарпатье было подано достаточно много голосов за Януковича; Киев не столь украиноязычен или антироссийски настроен, и голосовал за Ющенко по иным соображениям; в Харькове разрыв между кандидатами был не столь большим, как в других регионах востока), но, тем не менее, в целом линия разлома пролегла уже во втором туре настолько жестко, что переголосование в ходе «третьего» тура фактически в целом лишь подтвердило эту линию разлома.

При этом был опробован и сценарий полусилового прихода к власти Ющенко, и сценарий геополитического раскола Украины.

Следует напомнить о реалиях, связанных с этим последним сценарием, поскольку они имеют принципиальное значение не только для судеб Украины, но и для России и иницируемых ей политикоинтеграционных проектов, а заодно – и для судеб российского федерализма.

1. Геополитический кризис был спровоцирован облсоветами Львовской и Ивано-Франковской областей (т. е. регионов Запада), выведших де-факто эти регионы из подчинения центральной власти, что нанесло первый серьезный удар по характеру политической структуры Украины как централизованного, унитарного государства.

2. Вместе с тем, наиболее осязаемый удар по украинскому унитаризму, ставящий под вопрос саму возможность его сохранения, был, конечно, нанесен с юго-востока, когда собравшиеся в Северодонецке представители 9 областей выдвинули политический проект, который в самом мягком своем варианте вел к конфедерализации страны, а в крайнем – к ее неминуемому расколу. Между тем, в этих регионах проживает около 24 млн чел., т. е. практически половина населения республики; они производят 70% ее ВВП; в них сосредоточены не только угледобывающая и сталелитейная, но и авиакосмическая, судостроительная, автомобильная и другие обрабатывающие отрасли; они включают все украинское побережье Азовского и Черного морей и большую часть границы с Россией, а также практически всю границу с пророссийским Приднестровьем.

Были сказаны практически все слова, обозначающие реальную возможность раскола Украины: предложено общее название региона – «Новороссийский край», что уже само по себе примечательно как вектор развития политической динамики и, несомненно, носило понимаемый всеми знаковый характер; было предложено создать единую столицу региона – Харьков; предложено создать единую административную, экономическую и финансовую структуру региона, отказавшись от перевода денег в центральную казну, дабы «не кормить митингующих дармоедов»; применительно к ряду регионов прозвучали слова не только об их «самодостаточности», но и возможности либо провозгласить себя самостоятельной республикой в составе Федерации (об этом, частности, заявили некоторые руководители

Донецкой области; и это при том, что Украина пока что федерацией не является), либо реализовать свое право на самоопределение через провозглашение независимости и последующее присоединение к России (Автономная Республика Крым).

Также было объявлено об инициировании референдумов, направленных на провозглашение регионов самостоятельными субъектами в составе федерации. И хотя впоследствии решение о референдуме было отменено, был создан политический прецедент, который почти неминуемо влечет за собой либо фундаментальное изменение украинской конституции в направлении превращения республики из унитарной в федеративную, либо раскол Украины как единого государства. Кроме того, этот прецедент является сигналом, по меньшей мере, для наиболее антиющенковски и антиукраински настроенных Луганской области и Крыма, а в более крайних вариантах – и для остальных 6 областей юго-востока.

По мере реализации этого плана выявилось, что он очень быстро и достаточно далеко вышел за рамки простого политического шантажа и напугал не только самого Кучму, но и запад, причем запад не Украины, а запад в широком геополитическом смысле – Евросоюз, США и НАТО. Не исключено, что озадачил этот сценарий и российское руководство.

3. Все это говорит о том, что политическая революция, произошедшая на Украине, реализовалась не только в центре и на западе, но и на юго-востоке (другое дело, полностью или частично). При этом, несмотря на результаты, которыми закончился «третий тур» президентских выборов, любой другой президент, кроме Януковича будет вряд ли приемлем для населения юго-востока Украины, поэтому дамоклов меч раскола будет по-прежнему висеть над ней. Об этом свидетельствует тот факт, что, хотя наиболее радикальный вариант сценария раскола был отодвинут с политической поверхности почти сразу же после своего обнародования, но «ползучие» его варианты продолжали некоторое время апробироваться, прощупывались различные пути и способы реализации отдельных элементов этого сценария.

4. Немаловажным представляется и тот факт, что произошла активизация части населения и по другую сторону российско-украинской границы. Прозвучал приказ атамана Козицина о мобилизации Всевеликого войска Донского (по казачьей терминологии «войско объявлено в походе»). Примечательно, что с этими действиями солидаризировался и реестровый (представляющий официальные, государственные структуры казачества, возглавляемые в данный момент генералом Трошевым) донской атаман Водолацкий, рассматриваемый станичными и окружными атаманами, контролирующими основной массив казачества на Дону, как несамостоятельная и целиком зависящая от региональной власти фигура. Не следует недооценивать всех этих шагов – во-первых, донское казачество

имеет уже значительный боевой опыт, полученный в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии и бывшей Югославии; во-вторых, – теснейшие связи с казачеством регионов, рассматриваемых донцами в качестве своего естественного исторического ареала – Донецкой, Луганской областей и Крыма; в-третьих, в последние годы усилились связи с возрожденным запорожским казачеством, которое солидарно поддержало Януковича. Сошлось лишь на маленький эпизод, характерный для роли крымских казаков, которых донские казаки рассматривают как свою неотъемлемую часть: показанный российским телевидением репортаж из Симферополя и демонстрировавший накал страстей, содержал закадровый дикторский текст, в котором говорилось о столкновении сторонников Януковича и Ющенко. Картинка, однако, требовала внести уточнение в понятие сторонники – это было документально зафиксированное электронными масс-медиа столкновение казаков с крымскими татарами.

Как бы ни развивались дальше события в Киеве, любому украинскому руководству и политическому классу в целом уже не удастся уйти от разрешения острейшей политической дилеммы – либо распад страны, либо глубокая политическая реформа, включающая преобразование украинского государства из унитарного в федеративное. Причем вряд ли осуществима и формула жесткого федерализма, проводимого сегодня в России, поскольку юго-восток вряд ли откажется и от требования введения русского языка в качестве второго государственного, что на практике будет означать его фактическое доминирование в этих областях во всех аспектах политико-административной, хозяйственной и культурной практики, и от требования введения двойного гражданства, что при условии массовой российской паспортизации поставит значительную часть населения этих регионов, если не его большинство, в конфедеративные условия по отношению к центральной власти. Будут, очевидно, и другие условия, которые неизбежно придадут украинской государственности, наряду с федеративными, достаточно отчетливые конфедеративные черты.

Реализация любого из политических сценариев на Украине скажется совершенно определенным образом и на интеграционных планах российского руководства, и на судьбах российского федерализма. Разумеется, российская власть и под внешним давлением, и по собственным резонам будет скорее стремиться способствовать реализации второго варианта, поскольку он позволит, с одной стороны, избежать крайне неприятного выбора, возникающего в случае раскола Украины, а во-вторых, будет побуждать любую украинскую центральную власть к вертикальной интеграции с Россией в рамках «Союза четырех». Вместе с тем, мощнейший импульс федерализма, поступающий сегодня с Украины и имеющий тенденцию к усилению, не может не оказать воздействия на архитектуру будущего Союза и его основных компонентов.

Во-первых, в случае продолжения интеграции в рамках Союза, в нем окажется уже не одно, а два федеративных государства, причем таких, которые имеют в нем доминирующий геополитический, экономический, военный, демографический и культурно-лингвистический вес.

Во-вторых, процессы внутреннего развития в Казахстане, которые набирают сейчас силу и которые достигнут апогея к предстоящим в 2006 г. президентским выборам, имеют и плохо скрываемые «мягким» авторитарным режимом Назарбаева аспекты усиления межрегиональных противоречий. Эта центробежная тенденция, не исключено, активизирует проблематику федерализма в Казахстане, прежде всего по линии натяжения Север – Юг. Сегодня, конечно, слишком мало политических реалий, свидетельствующих о реализации подобной перспективы в полном объеме, и все же само по себе присутствие факторов, несущих в себе зародыш федерализма, позволяет говорить о том, что унитаризм вовсе не обязательно является бесконечным, раз и навсегда данным единственным принципом внутренней политической архитектуры Казахстана.

Между тем, в пользу этого предположения свидетельствует хотя бы тот факт, что дальновидный Назарбаев, опережая своих политических оппонентов, выдвинул далеко идущий план политической реформы, который, среди прочего, подразумевает выборность акимов, т. е. глав областей, а также двух городов республиканского подчинения – Астаны и Алма-Аты. Что это-как не шаг к созданию гибкой системы взаимосвязей между центром и регионами, который, если и не является признаком федерализма как такового, то, по крайней мере, имеет с ним определенную функциональную общность?

В-третьих, в Белоруссии за противостоянием между властью и оппозицией стоит, кроме всего прочего, и тот факт, что восточные области тяготеют к России как в геополитическом, так и в других аспектах. Русское и русскоязычное население здесь присутствует в значительной мере, национальная же отчужденность, а также и принципиально различная самоидентификация между русскими и белорусами, будь то в этнокультурном или языковом отношении, не видны. В западных же областях так или иначе присутствует этно-лингвистический и, отчасти, конфессиональный вектор тяготения к Польше. Эта проблема плюс своеобразный фактор белорусского Полесья, на мой взгляд, свидетельствуют о том, что в Белоруссии также имеется объективная база для федералистских тенденций. Данное предположение подтверждается и самим провалом попыток быстро добиться национальной консолидации на основе независимости в первые годы отделения Белоруссии от общего с Россией пространства при распаде СССР, в результате чего на волне лозунгов восстановления союза с Россией и пришел к власти Лукашенко. Но и ему не удалось консолидировать нацию, теперь уже на прорусской волне, поскольку это встретило неприятие оппозиции, имеющей наибольшую опору

на западе республики. Имея очень узкое поле для маневра во внешнеполитическом отношении, находясь в состоянии политической блокады со стороны Запада, имея весьма непростые отношения с Россией, испытывая серьезный шок от украинских событий, авторитарный режим Лукашенко не случайно избавляется сегодня от любых деятелей в окружении президента, имеющих слишком тесные контакты с Россией. Истерическая реакция Лукашенко на некогда озвученное Путиным предложение о вхождении Белоруссии в Россию отдельными областями, в качестве самостоятельных субъектов ее федерации, свидетельствует о том, что оно было расценено и, наверняка, не забыто по сей день как вполне реальная угроза целостности режима и самой власти. В то же время это свидетельствует и том, что авторитарный унитаризм вовсе не является универсальным инструментом организации власти в Белоруссии.

Все эти аргументы являются лишь дополнительным подтверждением главного – на постсоветском пространстве произошла явная смена ведущего фактора интеграционных процессов и тенденций – с вертикального на горизонтальный. Иначе говоря, интеграционные процессы на этом пространстве и, прежде всего, в рамках «Союза четырех», будут происходить в условиях роста федералистской тенденции внутри этих стран. При такой конфигурации процесс активизации политических, экономических и культурных связей по обе стороны границ будет иметь не меньшую, а, пожалуй, большую роль, чем вертикальная интеграция. Это будет создавать определенные проблемы для центральных властей каждого из государств. Но, во-первых, она объективно вписывается в ведущие тенденции усиления горизонтальных связей в условиях постиндустриального общества и глобализации, а, во-вторых, эта тенденция создает гораздо более широкое поле для гомогенизации политического пространства. При такой конфигурации политического пространства иначе могут выглядеть и перспективы втягивания в него других сопредельных с Россией и Украиной государств, прежде всего, Молдовы и Грузии. В этом случае сложные проблемы Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья могли бы решаться в той или иной форме кондоминиума, постепенно снимая груз накопленного конфронтационного потенциала. Да и вообще, при условии гибкого применения, этот принцип кондоминиума может превратиться в достаточно универсальный инструмент в решении территориальных, а отчасти и национальных проблем как на постсоветском пространстве, так и за его пределами. Но это означает также, что должен измениться вектор политики центральной власти России и в отношении собственного федерализма. Решение о замене выборности губернаторов их назначением в таком контексте оказывается скоропалительным и недальновидным.

Правда, здесь стоит сказать о том, что это принятое президентом и практически продавленное через Госдуму решение несомненно подрывает абсолютизм административного ресурса глав субъектов

федерации. Справедливости ради следует отметить, что данный принцип присутствует в абсолютной форме отнюдь не везде, теперь он генерализируется на общенациональном уровне, что вряд ли лучше, если учитывать и серьезные сомнения в возможности центральной власти рационально и дозированно им распорядиться. Назначение губернаторов несомненно повышает роль Законодательных собраний регионов, усиливает межпартийную конкуренцию и повышает интерес населения к выборам в них. При этом, принятая под давлением Законодательных собраний поправка к закону, добавляющая дополнительный месячный срок согласования с центральной властью кандидатуры губернатора после ее двукратного отклонения, серьезно смягчает закон, отодвигая угрозу роспуска их президентом. Но она все же не меняет сути этого закона как ослабляющего принцип разделения властей на региональном уровне и на уровне взаимоотношений центр – регионы.

Теперь к этому прибавляется и то, что со сменой вектора интеграционных процессов этот закон из фактора, способствующего вертикальной интеграции за счет унификации политических структур на унитарной основе, будет превращаться в тормоз интеграции, где преобладающими и наиболее перспективными будут федералистские, горизонтальные тенденции.

В таком контексте новый закон в лучшем случае приходится рассматривать как временную меру, которую рано или поздно придется отменить.